
Сергей СМИРНОВ

РАССКАЗЫ

ЗАМЕТКИ О КРОНШТАДТЕ

Ночь. Призраки

Прохладная летняя ночь в Кронштадте. Город спит. Спят корабли в заливе, матросы в кубриках. Тишина окутала морской город. Волны Балтийского моря цвета старого серебра при лунном свете негромко накатывают на берег, разбиваясь в мельчайшую водную пыль. За петровской пристанью в тишине городского парка, свернувшись, засунув свои мокрые шагреновые носы в тепло собственной шерсти, дремлют местные аборигены, коренные кронштадтцы — бездомные собаки. Они во сне чутко навстречу звукам с берега поворачивают мохнатые уши. В полночь четвероногие «жители» беспокойно, словно по сигналу, вскочили, завыли, задрав морды на сияющий диск луны. Разбуженные голуби вылетели в ночь из слуховых окон чердаков. Коты, отважные в своих драках, боязливо прижимаясь к домам, выгнув спины, крадутись, перебегали через дворы. Где-то далеко на рейде простуженно заревела корабельная сирена. Ветер усилился...

Из глубины темных аллей парка в мистическом белом свете внезапно на лунной дорожке появилась высокая призрачная фигура. Если внимательно приглядеться к расплывчатым колеблющимся контурам ее, то можно было определить видение — Император, основатель Кронштадта. Не касаясь своими тяжелыми ботфортами земли, в вихре смерча у ног царь совершал прогулку в полнолуние.

Вот Он остановился на берегу Купеческой гавани. Справа возвышался старинный береговой кран. Здесь триста лет назад было шумно и многолюдно. Вся гавань пестрела от многочисленных вымпелов «купцов». На этом месте почти у самого берега когда-то разгружали барки с товаром у Рыбных рядов. Тогда Он издал указ: «На кораблях горячую пищу не варить, огня не разводить». В трех домах голландской кухни установили котлы. И артельщики в бадьях уносили готовую кашу к экипажам на борт.

В этих местах вокруг острова Он на шлюпе с гребцами-преображенцами обходил лично, измеряя глубины, отмели. Замерзнув и продрогнув до костей от злого ветра, они причалили к берегу. На пригорке обнаружили костер. В котле, стоявшем на камнях, варилась похлебка. Шведы, жившие здесь, увидев солдат с ружьями, в страхе разбежались. Отогревшись у огня, они тогда с матросами хорошо подкормились шведской трапезой...

Сложенное из красного кирпича, побуревшего от времени, стоит здание Арсенала. Здесь хранили шестидесятифунтовые ядра «Брандскугелей», стволы корабельных орудий, запальные трубки, деревянные насадки, ружья, абордажные сабли, палаши. По его приказу каждая губерния в городе должна была построить дом. И они до сей поры стоят стройными рядами. Крепостные орудия замерли у Арсенала в ожидании своего часа, чтобы нагретыми до малинового цвета ядрами поджечь корабли неприятеля.

Почти незримо, бестелесно Он шел по старым улицам такого знакомого и неизвестного Кронштадта. Вместо высоких деревьев, выросших на этом месте, была площадь плац-парадов. Отрабатывая по артикулу, им утвержденному, шагали по плацу

Сергей Михайлович Смирнов родился в 1958 году в Москве. Окончил Московский железнодорожный техникум. Публиковался в журнале «Кольцо А». Лауреат литературного конкурса маринистики имени Константина Бадигина. Живет в Москве.

матросы, солдаты гарнизона. Он, как адмирал российского флота, принимал парады, салютуя шпагой.

Показалась набережная. Развернув дуло на залив, старая пушка стоит в ожидании комендора, чтобы произвести полуденный выстрел. Обветшавший пакгауз на берегу Обводного канала. К нему через водную систему, соединявшую Балтику рукотворными каналами, шли торговые суда для того, чтобы стать под разгрузку у его стен. Проржавевший скрипящий блок на пакгаузе. С его помощью из трюмов купеческих барж поднимали товары: рогожные кули с солью, крупу, мануфактуру, табак, кофе, чай...

Монарх оглянулся. Вместо приглушенно шумящего листвою парка увидел свой дворец. В нем когда-то устраивали веселые пиры, встречали иноземных гостей, заключали договоры, строили планы, а в зале на большом столе были разложены карты, штурманские инструменты, его подзорная труба. В этом огромном кабинете он подписывал указы и после ассамблей отдыхал в кресле у окна с трубкой, закутавшись в сызые клубы дыма крепчайшего голландского табака.

Эту пристань решили сделать парадной. С нее начинается и заканчивается город. За окнами дворца вдали Ораниенбаум. Невооруженным глазом можно увидеть белый павильон катательной горки.

Еще осенью были приготовлены ряжи, большие ящики — срубы. Их решено было зимой по льду волоком доставлять до прорубей, опускали их наполненными глиной, камнями, песком под воду на отмель. Так создавали основание острова, на котором будет построен форт, перекрывающий фарватер огнем орудий, защищающий новую столицу Российской империи с моря. Артиллерийский форт вскорости был построен в форме шатра.

С шумом белыми жемчужными брызгами в лунном свете ударила волна одетую в камень вместо давно сгнивших бревен набережную.

На рейде пробил склянки.

Морской соленый ветер подхватил и унес то ли облако сырого предутреннего тумана, то ли поднятый мелкий городской сор вместе с листьями, сухими былинками.

Растворился и исчез в эфире образ и самого могущественного Императора.

День. Камни

Я держу в руках нагретый осенним солнцем диабаз. Порывами проносится предштормовой ветер. Редкие листья медленно опускаются, как будто устав за лето, на Якорную, вымощенную почти черным камнем площадь перед Никольским морским собором...

Камни Кронштадта, поседевшие от времени и потерявшие свой первоначальный лоск, шероховато бугристые на ощупь, с трещинами и выбоинами от пуль и снарядов. Они молчат, но если бы они смогли заговорить, вспомнить...

Сначала был остров Котлин, сюда царь согнал сотни работных людей для строительства крепости, чтобы защитить устье Невы и будущую столицу Российской империи, город-парадиз Питерсбург. В воде в стужу и зной, проживая в бараках, в норах, вырытых в земле, быстро заполняемых ледяной водой, всегда голодные, без регулярно жалованья рабы Его собственной страны строили крепость. Они бунтовали против грубости администрации и при первой возможности бежали из этого ада. Но их ловили, жестоко наказывали, заковывая в тяжелые кандалы, клещами вырывая ноздри. Вновь заставляли работать на императора. И как всегда, подневольный мужик Святой Руси, оборванный, нищий, бесправный, строил на своих костях город-крепость Кронштадт и его мрачные, грозные форты, закладывая фундамент стратегического и тактического спокойствия на Балтике. Все это видели суровые и молчаливые камни Кронштадта.

А Он, возвышаясь над всеми, неумоимо бегал от одной стройки к другой, обрушивая свою тяжелую трость на головы и плечи собственного народа, ради которого,

как Он говорил, все это затеял. И каждый будущий царь и последующий правитель России будет клясться в Любви и Верности к народу, но между тем во благо чего-то не забывая уничтожать его, клеймить раскаленным железом, искать вора в собственном доме.

Трагически сложилась судьба последнего главного командира Кронштадтского военного порта, адмирала Р. Н. Вирена. Он ради дела был строг и требователен до щепетильности. В советское время Вирен считался царским служакой, деспотом и самодуром.

1 марта 1917 года в восемь часов утра, узнав о волнениях в Петрограде, матросы, солдаты и рабочие окружили дом адмирала. Легко одетый, в шинели внакидку он вышел к толпе. Они ненавидели его, честного и бескорыстного. Адмирал скомандовал: «Смирно!» В этом была его ошибка. В ответ смех и оскорбления. Он не вынес этого и ответил. Он знал их язык. Матросы, окружив адмирала, избивая, повели на Якорную площадь. Там несколько раз подняли на штыки своих винтовок и уже мертвого командира сбросили в доковый овраг. Только через неделю тело смогли захоронить на немецком кладбище. Черный и белый памятник адмиралу, словно его последний парадный мундир.

Камни Кронштадта — это вехи истории, они как судьбы людей. Гранитный обломок стал основанием-памятником другому замечательному адмиралу С. О. Макарову.

В 1841 году в городском парке установлен памятник основателю города императору Петру Первому. «Прагматизм и деспотизм» стоило бы высечь на граните. Петр — человек без жалости, ожесточенный сердцем, психофизически зависимый от алкоголя, принес в жертву своим желанием и страстям собственный народ, как и всякий диктатор, крепко уверовавший в свою исключительность. Великие дела? Но можно ли оправдать их значимость, если на алтарь положены сотни тысяч человеческих душ? Он любил родину, но не любил ближнего.

Если проследить всю историю правления династии Романовых, стоит задуматься, что они дали и какие они?.. Красный гранитный пьедестал, молчаливый и торжественный, держит на себе фигуру царя-реформатора, великого и низкого человека.

Гранитный камень — памятник морякам Цусимского сражения на морской аллее Петровского парка.

Памятник адмиралу Ф. Ф. Беллинсгаузену в Екатерининском сквере открыт в сентябре 1870 года. Город задышался в нечистотах. Грязь, зловоние на улицах. В 1839 году, став главным командиром Кронштадта, Фаддей Фаддеевич попросил денег на благоустройство. Но денег не дали. Тогда он на свое жалованье нанимает рабочих для рытья канав. Купив саженцы, закладывает сквер. На розовом граните стоит действительно человеколюбивый адмирал, ученый, путешественник, великий гражданин России.

Камни Кронштадта — его история, величие и печаль...

ЗАКЛЕПКИ

Корабли — как и люди,
они тоже нуждаются в славе,
в уважении и в бессмертии...
Вечная им память!

*В. Пикуль, юнга Северного
флота, писатель*

Бронепалубный крейсер «Заря»¹, простоявший в резерве в Кронштадтском морском порту не один год на мертвых якорях, был осмотрен на паровом заводе: вычищены котлы, заменены водогрейные трубы, в топках установлены

¹ Название крейсера изменено автором.

новые колосники, и, как заверили на заводе, обшивка корпуса хотя и старая, но еще «постоит». Стальные листы ниже ватерлинии решили не снимать: «текущие» заклепки переклепали, днище в доке очистили и покрыли, как водится, корабельным суриком. На бронепалубе после осмотра у орудий произвели замену замков. По штатному расписанию на «Заре» числилось двадцать офицеров и четыреста пятьдесят нижних чинов. Экипаж был набран из флотского берегового резерва. Только командир крейсера капитан первого ранга и его старший помощник состояли в постоянном штате. Крейсер решено было использовать в миннозаградительных действиях и для отработки приемов постановки мин.

В промозглое ноябрьское утро сеял мелкий дождь. Корабль, снявшись с якорей и разведя пары, самым малым ходом, развернувшись, пошел к выходу из Кронштадтского военного порта. На мостике над палубами, как и всегда, командир, лет сорока, высокий, сухощавый, с седыми висками.

— Евгений Николаевич, а ведь шторм будет! — негромко предупредил, вглядываясь в линию горизонта, старший помощник.

— Но барометр «стоит». Вроде проглядывает небо, — ответил капитан.

— А вы взгляните вон туда, — показал рукой в перчатке старший помощник.

И действительно, там, где сливались небо и море, чернела полоса...

— Ну-у, до нас далеко. Да и ветер свежеет, — не соглашался капитан, — дует в полборта постоянно. Дай бог, погода наладится. Да и дождь перестает. Вот только мелкая зыбь.

— Евгений Николаевич, вы моряк Черноморского флота, там все по-другому... А здесь ветер внезапно налетит, изменит направление, задует с моря, вмиг волну поднимет. И пошел шквалистый ветер — из залива не выберешься. Прижмет, начнет сносить на берег. Грунты здесь неустойчивые для якорей.

— Ну да ничего. Проскочим, Дмитрий Николаевич, — также негромко ответил помощнику капитан.

Форштевень крейсера вспарывал воду перед собой. Усы из морской пены поднимались по обеим сторонам борта с увеличением хода. Проходя по фарватеру, уже в середине залива ветер внезапно изменил свое направление и, посвежев, задул навстречу. Нос «Зари» встал под волну, равномерно опускаясь и поднимаясь. Черная полоса у далекого горизонта стремительно приближалась. Капитан приказал в машину увеличить ход. Ветер с новой силой задул со стороны моря. Старший помощник спустился по трапам вниз в машинное отделение. Горизонтальные машины обеспечивали ход крейсера. Вместе со старшим механиком открыли люки и спустили фонари на лине в придонное пространство. Уровень воды внизу стал выше.

— Вот вам и ремонт. Снизил ассигнования, покрасили, и вперед, — зло пробурчал старший механик, — похоже, все-таки заклепки. Если будет шторм, они еще себя покажут. Корпус-то старый. Здесь обязательно нужно было бы сменить нижние листы обшивки. Да и заклепки заново клепать. Листы от качки расшатались. Заклепки «плачут».

Штормовой ветер крепчал, нудно зудел и выл в снастях. Нос «Зари» зарывался. Целые горы мутной пенистой воды обрушивались на верхние палубы. Машины работали на полный ход. Но корабль почти не двигался вперед.

— До выхода в открытое море мы, конечно же, не дотянем: вода прибывает. Зальет котлы, — размышлял вслух капитан, — повернуть назад к берегу — равносильно самоубийству. На якоря в шторм тоже не встанем — лопнут цепи. Докладывайте каждые двадцать минут, Дмитрий Николаевич, поднимается ли вода под машинами и котлами.

Кажется, что штормовое балтийское небо рухнуло в море. Черное небо. Вода и небо неразличимы. Все смешалось. Ветер ревел в рострах. Скрипели принайтованные шлюп-

ки, один баркас сорвало... Вода под котлами быстро поднималась. Вот уже слышны ее всплески в такт качке...

— А ведь на заводских ходовых испытаниях все было в порядке. Заклепки стояли надежно, казалось. И вот нате вам! Правда, испытания проходили почти в штиль, — перекрывая шум работающих машин и удары волн, в самое ухо прокричал старшему механику обер-офицер, — в такой шторм принять еще лишние десятки тонн воды... Дело дрянь!

По машинному телеграфу капитан передал:

— Идем на банку (отмель). Посадим судно днищем. Спасем экипаж.

Так и сделали. Крейсер, медленно развернувшись, сбавив ход до малого, пошел на отмель. Коварный ветер наконец стал стихать. Волны перекатывались через палубы, замедляя свой бег у шпигатов.

В стихии все загадочно. Никто и никогда не может точно спрогнозировать погоду.

Шторм постепенно стихал. «Заря» без серьезных повреждений с небольшим кремом на правый борт лежала на мели. Экипаж, порядком устав и продрогнув, сменив промокшее до последней нитки белье, по распоряжению капитана получил двойную порцию водки.

Крейсер второго ранга «Заря» после основательного теперь уже ремонта в сухом доке встал в строй Российского императорского флота.

Зимой во время войны с кайзеровской Германией был торпедирован и затонул в темных холодных водах Балтийского моря.

НА ГАЛЕРНОЙ

Санкт-Петербург — строится. По строжайшему указу царя в новой столице России дворцы и дома, выходящие парадными выездами и входами на вновь создаваемую набережную Невы, возводят только из камня.

Шел 1715 год. Позади победа над шведами, в которой отличилась эскадра галер под командованием адмирала Федора Матвеевича Апраксина. Решено было продолжить строительство весельных судов, но было отдано предпочтение при постройке большим линейным парусным кораблям.

Вдоль набережной Невы, ставшей вдруг главной водной дорогой для доставки грузов в столицу, шел старик. Его одежда состояла, несмотря на лето, из рваного зипуна с торчащими из рукавов клочками шерсти, таких же рваных штанов. Ноги его были обуты в онучи. Перевязанные кое-как лыком. Старик опирался на палку из сука березы с остатками коры.

Вслед за ним плелся, размазывая по грязным щекам слезы, мальчишка лет семи-восьми в длинной холщовой рубаше. Давно немые, нечесанные, выгоревшие на солнце волосы торчали в разные стороны. Старик стонал и охал. И мальчишка стонал и минутно просил хлеба у прохожих, протягивая грязную расчесанную руку...

В Петербурхе подавали неохотно. Народ здесь не жировал. Царь Петр Алексеевич придумал разные штрафы для горожан. Новой столице, строящемуся флоту, армии требовались деньги.

Пройдя мимо построенных дворцов, путники завернули на какую-то улицу. По ней то и дело сновали кареты, громыхали тяжелые телеги, всадники верхом в зеленых мундирах преображенцев.

— Что за улица? — спросил старик у проходившей мимо молодухи в темной длинной юбке с подвязанным передником и несущей на плечах коромысло с корзинами, доверху наполненными бельем.

Женщина была портомойкой (прачкой) и шла мыть белье на реку.

— Дедушка, это улица Первой Галерной будет. Слышишь, топором стучат! Пилы пилят. Это на Галерном дворе корабли мастерят. Да там все каторжные в железах, их солдаты с ружьями охраняют. Не ходи туда — прогонят. А то еще и застрелят совсем, — скороговоркой пропела прачка.

Мимо пронеслась высокая черная карета с фореитором и охраной. На дверцах кареты серебром горели двуглавые орлы.

— Дедушка, — пропищал, зажмурившись, сжавшись от страха, мальчуган, — неужто это сам царь?

— Нет, куда там... Это адмирал Апраксин приехал на верфи проверить, все ли ладно, — кланяясь вслед карете, шепотом проговорила молодуха.

В окнах промчавшейся кареты мелькнуло лицо адмирала в завитом парике, блеснул золотом галун мундира. Странники прижались, пропуская экипаж, к вкопанному у ворот стоймя в землю обтесанному бревну, согнули свои спины, низко поклонились.

Прошло более века, и новый монарх на престоле Российской империи...

«Уф-ф, жарковато! Солнце печет, будто в пустыне египетской», — подумал про себя чиновник низшего класса, вытирая вспотевший лоб под фуражкой с темно-синим бархатным околышем, что означает принадлежность этого головного убора и головы, носящей ее, к Министерству народного просвещения.

Коллежский регистратор, отчего-то в шинели, не торопясь, шагал по Английской набережной. Вот он увидел проулок и, словно нырнув в него, сразу растворился среди множества прохожих. Свое путешествие по нечетной стороне Галерной он продолжал согласно нумерации домов. В Петербурге эта сторона улицы называлась среди горожан «черной лестницей», и не без основания. Каменные дворцы, стоящие ровно по линии на набережной Невы, своими дворовыми фасадами совсем не походили на себя. Это тусклые, серо-коричневые, грязноватые обычные на вид строения с узкими дверями. С въездными воротами, привратными столбами, как бы охраняющими дворы. На этих гранитных тумбах частенько восседают, отдыхая, бородатые дворники с бляхами на фартуках. Они крепко держат в руках, словно ружья, метлы, зорко и угрюмо поглядывая вокруг. Иногда лениво отгоняют пробегающих босоногих мальчишек, которые, кривляясь, корчат им разные гримасы. Дворники внимательно наблюдают, чтобы возчик ненароком не наехал бы на привратную тумбу, стоящую для обережения углов дома.

Чиновник, обливаясь потом, шаркая ногами по неровному булыжнику, наконец нашел нужную вывеску. Это криво висящая над дверью вывеска была конторой ростовщика-менялы Мойши Цукера. Нашупав в кармане шинели что-то завернутое в носовой платок, чиновник решительно направился к двери. Коллежский регистратор прибыл в столицу Российской империи из Симбирска искать защиту на свое начальство с жалобой в Сенат. От одного только этого слова регистратор приходил в ужас. Сенат! Что это было для него! Как будто гора Олимп и боги, тайные советники на ней. Но нужно с кем-то посоветоваться, найти верного человека. И чиновник по ведомству народного просвещения решил довериться тертому и бывалому, хитрому Мойше Цукеру...

Что стало дальше с регистратором из Симбирска, истории неизвестно. Но множество привратных столбов, о которые то и дело спотыкался проситель, чертыхаясь при этом, стоят до сих пор.